

A woman with long, wavy brown hair is shown in profile, looking out of a window at night. She is wearing a black, strapless, form-fitting dress with a large bow detail at the bust. She is also wearing large, ornate earrings. The lighting is dramatic, with a warm glow from the window and a dark background. The text 'Алексей Загуляев' is overlaid on a semi-transparent grey bar at the bottom left.

Алексей Загуляев

Невеста на вечер

Алексей Николаевич Загуляев

Невеста на вечер

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69972277

SelfPub; 2023

Аннотация

Светлана, покинув детдом, когда ей исполнилось восемнадцать, сталкивается с первыми трудностями самостоятельной жизни. Сменив несколько работ, она находит вакансию в "Москве-Сити" с необычно высокой зарплатой. Однако вскоре понимает, что не всё так просто с этой работой – молодому директору одного из отделов потребовалась невеста на один вечер, чтобы продемонстрировать отцу серьёзность намерений относительно своих взглядов на семейную жизнь и при этом ещё позлить старика выбором в качестве будущей жены недалёкой простушки. Но Света оказывается не так проста, как предполагал парень. Их недолгое противостояние заканчивается непредсказуемым финалом, в котором... Впрочем, увидите сами.

Содержание

1	4
2	12
3	16
4	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Алексей Загуляев

Невеста на вечер

1

Ну вот, стало быть... Расскажу вам историю, которая одно время бродила по коридорам фирмы, где я когда-то работал. Не знаю уж насколько этой истории можно верить – решайте сами.

Начну немного издалека, чтобы настроить мысли на нужный лад...

Бизнес – это такая штука, где в одной точке должны сойтись личные качества человека, его знание того предмета, который лежит в основе работы, и способность этого человека сделать правильный выбор, даже если тот кажется на первый взгляд несправедливым по отношению к кому-либо другому. К тому же точка эта, где имеет место быть подобное сочетание, должна оказаться в правильных координатах и в подходящее для того время. Другими словами, вы просто обязаны быть большим везунчиком, и над вашими моральными качествами должна довлеть, как Эверест над уровнем океана, простая, лишённая эмоций, целесообразность. А когда речь идёт не просто о бизнесе, а о бизнесе с большой буквы «Б», то всё вышеперечисленное следует умно-

жить на десять и потом возвести, как минимум, в куб, а ещё лучше в восьмую степень. Поскольку... Ну, и дальше, само собой, курс хиромантии, астрологии, здорового сибирского шаманизма или, на худой конец, саентологии со всеми её «кейсами», «рандаунами» и тому подобным. Тройки, девятки, семёрки, магия чисел, места силы, трансерфинг для слабомыслящих, масонские ложи и членский билет, открывающий двери тайных сообществ.

Николай, мой сосед по офису, утверждал, что наверняка чем-то подобным всегда заканчивались душеспасительные речи Фёдора Ильича, когда он наставлял на путь истинный своего единственного сына с непопулярным именем Панкрат, поскольку у того в его двадцать три года не наблюдалось ни малейшего желания управлять собственной жизнью. Он называл его ласково Паня, что звучало ещё глупее, и старался быть последовательным и твёрдым в своих намерениях сделать из него достойного наследника своей корпорации, занимавшейся производством жилых модулей для будущих колонизаторов лунных просторов. Для непосвящённого подобное направление деятельности могло выглядеть, как насмешка или издевательство над здравым смыслом, но для тех, кто имел настоящее представление о перспективах будущего, ситуация выглядела не столь уж и фантастично. Корпорация была хоть и не такая масштабная в физическом выражении, но выдающаяся в своих потенциях и в количестве вовлечённых в её работу значимых в определённых кру-

гах персон. Впрочем, наставления отца могли звучать метафизически только с виду, имея под собой значительную, хотя и хорошо скрываемую, долю здоровой шутки. Поди пойми этих миллиардеров. Да и Николай вполне мог ошибаться на сей счёт, тем более что все последующие события как бы слегка противоречат вышеизложенным размышлениям.

Имя Панкрат придумала для сына покойная жена Лизавета, поскольку в буквальном переводе оно означало «всевластный», и супруг не посмел по этой причине перечить. Саму Лизавету, если по паспорту, тоже звали весьма странно – Лизантелла, что не означало ничего внятного. Возможно, как раз этот факт и стал причиной имени сына, ибо захотелось максимально оконкретить его судьбу. Характер супруги был столь непреклонен, что даже если бы она назвала малыша Бобик, то спорить с ней не имело бы никакого смысла. Фёдор Ильич любил её беззаветно, нарушая все главные принципы буквы «Б», и мог позволить в её сторону только одну шутку, иногда добавляя к её настоящему имени любимую свою цифру – получалось что-то вроде «Лизантелла, модель 777 – ваш незаменимый помощник в жизни». Лизавете это нравилось – все смеялись, все были довольны. Потом в её хрупком человеческом механизме случился сбой – она очень быстро угасла, перестала интересоваться лунными модулями и успехами своего сына, начала называть супруга Ильёй Фёдоровичем, пока в конце концов не скончалась мирно в швейцарской клинике, где эвтаназия не была под

запретом. Фёдор Ильич переживал глубоко и долго, сам подорвал собственное здоровье, с головой ушёл на целый год в конспирологию и всерьёз задумался о своём наследстве, получателем которого, кроме Панкрата, никого другого не мыслил. Оттого и все эти его увещевания на грани мистики и жестоких правил игры; оттого и выпирающая через все сердечные поры любовь к единственному своему чаду – свидетельству его человеческих чувств к незабываемой Лизантелле.

Панкрат, разумеется, ни о чём таком не догадывался. С матерью, пока та была ещё жива и находилась в здравом рассудке, он имел не так много общения, чтобы успеть проникнуть в истинную глубину её душевных алгоритмов. А отца просто боялся, поскольку трудно было видеть в нём обычного человека, способного на обычные отцовские чувства. К двадцати трём годам, достигнув пика своих интеллектуальных возможностей, Панкрат так и не смог ухватить умом принципы управления, которые позволяли Фёдору Ильичу держать в узде его корпорацию, представлявшуюся Панкрату неуправляемым монстром. Этого монстра он боялся ещё больше, чем своего отца, и представить себя его командиром и хозяином не мог даже в самых радужных из своих мечт. И, ненавидя все эти детские, по сути, страхи, он, как умел, старался отсрочить своё торжественное восхождение на престол, прикидываясь то дурачком, то неизлечимо больным, то вообще не сыном своего отца, подброшенным ещё в колы-

бельку коварными, недремлющими врагами. Но он не знал другой жизни, той, которая кипела за стенами Москва-Сити, за бесчисленными отелями Дубая и уютными коттеджами Сен-Тропе и Ниццы. Он догадывался, что такая жизнь существует, и знал, что за улыбками средней руки клерков, маркетологов, секретарш, охранников и водителей скрывается ужасная тайна несбывшихся надежд и искалеченных судеб. И дело было не в их профессии, не в их социальном статусе, а именно вот в этой «несбыточности», в этой перечёркнутости юношеских стремлений, разбившихся о первый же волнорез реального положения дел. У него было лишь два пути – либо стать императором, унаследовав порождённое отцом чудовище, либо сгнить на периферии, где-нибудь в двухкомнатной квартире за Садовым кольцом, окружив себя безликими кассирами и слесарями КИПиА. Так что на самом деле путь оставался только один. Синонимом же второго была смерть, медленная и мучительная, приправленная вечерними сериалами и походами на рыбалку. И это представлялось страшнее и отца, и того монстра, с которым тот общался на равных. В общем, винегрет в его голове цвёл и пахнул, и с этим как-то нужно было бороться.

Особенно остро вопрос о наследстве встал тогда, когда Фёдору Ильичу закралось в голову совершенно немыслимое подозрение в том, что чадо его, как бы это сказать... Словом, почудилось ему, что Панкрат ведёт себя недостаточно по-мужски. Фёдор Ильич как-то особо пристально стал

за ним наблюдать, с этаким почти крестьянским прищуром, означающим неудержимую прозорливость. Не хватало только взять ему балалайку и спеть какую-нибудь похабную песню. Короче, что там ходить вокруг да около, – заподозрил Фёдор Ильич Круглов сына своего в том, что тот неравнодушен к мужскому полу. Вот так. И делайте, что хотите. А мысль, единожды затронувшая уязвимую часть мозга, застревает там занозой, которую без хирургического вмешательства уже не извлечь. Но руки прочь от Фёдора Ильича! Он сам во всём разберётся. Прищур у него для этого самый что ни на есть подходящий.

Панкрат первое время всё никак не мог понять, чего добивается от него отец. Тот только ходил кругами, намекая на своё вдруг вспыхнувшее желание понынчиться с внуками или закатить роскошную свадьбу, какой у самого-то его не было. Панкрат полагал, что это какое-нибудь лирическое отступление перед чем-то главным, к коему подводит отец. Но главного так и не следовало, обрываясь на свадьбе. И только после пятой или шестой подобной беседы Панкрата наконец осенило. Так вот оно что! Отец всего лишь хотел убедиться в том, что с ориентацией у его наследника всё в полном порядке. Так ведь и было оно на самом деле. И какие только ветры надули семена дурацких сомнений в голову папаши – Панкрат совершенно не понимал. Свою интимную жизнь он никогда не выставлял наружу. Тут надо отдать ему должное, потому что это сильно отличало его от тех самцов, с которы-

ми приходилось общаться. В отношениях с противоположным полом он был деликатен, подчёркнуто сдержан, но при том нежен и лёгок на безболезненное и для себя, и для девушек расставание. И он умел выбирать предмет своих увлечений – все, как одна, девушки оказывались в меру скромнягами, в меру не претендующими на его потенциальные деньги, в меру способными обойтись без того, чтобы не вынести напоказ свою временную добычу в лице Панкрата. В общем, получалось так, что всякая его мимолётная связь оставалась незаметной для посторонних глаз, хотя те, особенно усиленные линзами длиннофокусных объективов, были бы и рады оповестить широкую общественность об амурных похождениях Пани.

И вот когда до Панкрата, измученного догадками, наконец дошёл отцовский посыл, он впервые по-настоящему на него обозлился. Как вообще можно было заподозрить его в таком?! Он полагал, что родитель его выше подобных низменных подозрений, что мысли его бороздят космические просторы, выискивая места для будущих прилунений. А он... Думает чёрт знает о чём. Да и что с того, если бы вдруг – не дай Бог, конечно – оказался он влюблённым в какого-нибудь Аполлона? Какое кому дело? Разве это помешало бы как-то строительству городов на Море Спокойствия или в Заливе Зноя? Сколько таких дезориентированных стоят у руля многочисленных корпораций! И ничего. Двигатели заводятся, ракеты летят по курсу, аккумуляторы держат

заряд, музеи заполняются новыми экспонатами... И захотелось выкинуть ему какую-нибудь шутку – с одной стороны, успокоить старика, а с другой – пощекотать ему нервы. На роль новой подруги, которую он засветил бы для любопытствующих, Панкрат решил выбрать девушку из низов, чтобы при самом беглом общении с ней отца могло передёрнуть и стереть с лица его хитрый прищур. И Панкрат открыл в подведомственном ему отделе венчурных инвестиций вакансию уборщицы с особым допуском в секретные кабинеты. Никаких секретных кабинетов, разумеется, не существовало, как не существовало и никаких целевых инвестиций. Это была просто очередная кормушка, в которую с одной стороны по запутанным каналам заливались грязные деньги, чтобы с другой пролиться благодатным дождём на многочисленные счета в швейцарских банках. Такой себе секретик Полишинеля. Отбирать кандидатов на должность Панкрат вызвался сам, обязав отдел кадров только отбраковывать женщин старше двадцати или слишком смазливых для мытья унитазов. Никто из кадровиков не придал этому никакого значения, потому что всем было наплевать на всё, что не касалось их собственной жопы.

Так и началась эта история, неожиданного финала которой никто не предвидел.

2

Света прошла через четыре детдома и через пять – или шесть? – приёмных семей. Десятая по счёту смена жизненных декораций должна была бы стать для неё счастливой – таким всегда для неё являлось число 10, – но этого не случилось, потому что ей стукнуло восемнадцать, и теперь надлежало самой заботиться о себе. Для того, чтобы получить положенную по её статусу квартиру, пришлось довольно близко пообщаться с куратором, позволив ему с фонарём рассматривать под одеялом её прелесть, своего рода будущий амулет всевластия над мужчинами. Но это ещё ничего, вполне себе адекватный пятидесятилетний дядька, даже не покусившийся на её девственность, которую Света берегла на особый случай. Квартира была хоть и однокомнатной, но в Сокольниках, откуда на метро, минуя продуваемую всеми ветрами Русаковскую, можно было легко добраться в любую точку. Уютненькое такое жилище в спальном районе, в обжитой пятиэтажной хрущёвке из белого кирпича и с бронзовым памятником какого-то мужика на лавке почти под домом. Света была довольна. Жизнь удалась. Оставалось только найти работу, потому как сиротские выплаты в двадцать пять тысяч стали теперь недоступны. Она уже попытала счастье на складе торговой сети и на кассе в супермаркете. Но с первого сбежала через неделю, а на втором не выдержала и

двух дней. В конце концов провела интернет, купила самый дешёвый компьютер, который мог тянуть её любимый «Фоллаут», и устремилась бороздить просторы «Авито» в поисках подходящих вакансий. Но целых десять дней с переписками, перезвонами и заполнениями анкет не принесли желаемых результатов – всё пахивало неизбежным с её характером бегством с нового места по окончании испытательного срока. И не то чтобы характер её был сильно испорчен или чересчур завышенными были её ожидания, – нет, – просто она устала оттого, что все вечно требовали от неё чего-то не относящегося к существу дела. А любое существо она схватывала с первого взгляда. Если нужно улыбаться клиенту и не лажать с чеками в кассовом аппарате, то она делала это со всей возможной ответственностью и правильным результатом на выходе. Никто не мог бы упрекнуть её в нерадивости или, что называется, «пэтэушном» уровне интеллекта. Но чаще всего обязанности её непременно выходили за границу регламента – именно это и выводило её из себя, и она начинала спорить и загибать пальцы. У неё были почти железные нервы, отличная память, способность всё схватывать налету, находя необходимые внутренние связи между, казалось бы, несвязанными вещами. Перекопытить её никто не мог – отсюда и эти вечные перемещения из заведения в заведение и из семьи в семью. Все по отношению к таким, как она, мнили себя великими благодетелями, чьё слово было неоспоримым законом для приёмыша и несомненным для него благом. Ну,

или просто зарабатывали таким образом деньги на патронате. Может, так уж получалось лишь с ней, а у других всё было иначе. Об этом она никого не спрашивала, потому как особенных друзей не успевала обрести раньше, чем покидала временную обитель. Водоворот лиц и событий, способных опустошить любую чуткую душу, Света старалась не принимать близко к сердцу. А сердце у неё, если посмотреть не предвзято, было большим и добрым, открытым всему настоящему, непритворному и интересному. Не ожесточили его ни детдомовская дедовщина, ни вечный животный интерес к её юному телу, ни полное безразличие к обстоятельствам её жизни со стороны попадающихся на пути кретинов. Были, разумеется, и хорошие люди. Но как-то так получалось всегда, что какая-нибудь хреновина обязательно вырывала Свету у таких добропорядочных граждан, и она возвращалась всё на те же круги ада, не понимая, за что Господь наказывает её и к чему её призывает.

Когда последние из накопленных Светой денег неудержимо стали стремиться к нулю, она совершила последний рейд по страницам сайтов, и ей в кои-то веки несказанно повезло – работа уборщицей в престижном деловом центре. К уборке туалетов ей было не привыкать, а зарплата при этом приближалась к пяти нулям, плюс ещё этот таинственный доступ в некие кабинеты. Клептоманией она не страдала, но такая оговорка в вакансии приятно согрела душу. Это вам не то что мыть с хлоркой школьные туалеты. Она позвонила,

ответила на несколько элементарных вопросов и, к своему удивлению, была приглашена на собеседование к самому директору отдела венчурных инвестиций. Слово «венчурный» она отыскала в словаре, потому что сильно уж смахивало оно на «венчальный», а это, в свою очередь, намекало на ту область, где крутились обычно дамы лёгкого поведения, пусть даже и с определением «элитные». Но всё оказалось вполне прилично. Венчурный означало всего лишь «относящийся к финансированию новых, не апробированных проектов; связанный с коммерческим риском».

Аудиенция была назначена на послезавтра, на 15:00.

3

Гардероб Светы с тех пор, как она покинула последнего из своих опекунов, увеличился не намного. Поэтому выбора для предстоящего похода в эпицентр деловой жизни не оставалось, кроме как одеть свой единственный деловой костюм, который больше подошёл бы для имитации такового у шеста в стриптиз-клубе. Выглядела она в нём нелепо, хоть и сексуально. И почему на собеседование нужно идти к самому директору? Не секретаршей же она устраивалась! Тесный пиджак, подчеркнувший тонкость её талии и аккуратность груди, сковывал свободу движений; чересчур короткая для делового контакта юбка заставила бы собеседника думать о чём угодно, только не о работе; подходящих по цвету туфель и вовсе не оказалось. Но это ничего. Света одела кроссовки. Однажды на свадьбе, куда её пригласила единственная за целую жизнь подруга, она видела свидетельницу в кедах. И никто её за такую обувь не осудил, а даже посчитали, что это модно. Так что вполне сойдёт.

Доехав по кольцевой до станции «Деловой центр», Света уже приближалась к своей цели, когда вдруг поняла, что неприлично вспотела. То ли от раскалившего асфальт и бетон июньского солнца, то ли от переживаний, которые она загоняла как можно глубже в своё нутро. И чем больше она думала об этом, тем сильнее потела. Её железные нервы в

этот раз начали гнуться от нестерпимого жара.

На ресепшене нужного Свете здания ей выдали по паспорту тёмно-синенький пропуск с изящной надписью «EMPIRE» под прямоугольно-овальным изображением этого самого небоскрёба, и первым делом она сразу же ринулась на поиски туалета. Спрятавшись от посторонних глаз в кабине, подняла руки и ужаснулась – белая блузка в подмышках насквозь промокла.

– Ну ты корова! – выругала она себя.

Может, конечно, в этом и не было ничего ужасного, но если сейчас она станет думать о состоянии своей блузки, то на собеседовании могут решить, что рассеянность её граничит со слабоумием. До 15:00 оставалось ещё двадцать минут. Света выбежала из туалета и направилась в «Перекрёсток», супермаркет внутри башни, который заметила по пути в уборную. Там она купила чёрную футболку и джинсы и переделалась в примерочной. Ставший ненужным костюм убрала в мешок и бросила в контейнер, в который сдавали бэушные вещи для секунд-хендов. И уже в таком виде Света поднялась на седьмой этаж. Наплевать. Всё-таки она устраивается уборщицей, а не стюардессой. Зато мозги встали почти на место.

Света не без труда отыскала нужный ей кабинет, постучалась и приоткрыла дверь. На часах было 15:06.

Встретил её симпатичный молодой человек с сигаретой в тонких, холёных пальцах. Он стоял у огромного окна и смот-

рел на снующих внизу людей. Лишь слегка он обернулся, когда Светлана вошла, мило улыбнулся и указал рукой на кресло возле стеклянного стола, на котором, кроме селектора и ноутбука, ничего больше не находилось. Света ожидала встретить, как это обычно бывает, комнату, где сидела бы строгая секретарша и докладывала своему шефу о посетителях. Но ничего этого не было.

Света села, положив сумочку себе на колени.

– Чай? Кофе? – мягким, спокойным голосом предложил не похожий на директора парень.

– Спасибо, – сказала Света. – Я по поводу вакансии. Уборщицы. Мне назначено на пятнадцать ноль-ноль.

Молодой человек опять улыбнулся.

– Я так и понял, – сказал он. – Так что́ на счёт кофе?

– Нет, не нужно, – будто извиняясь, ответила Света.

– А я, с вашего позволения, не откажусь, – сказал парень.

Он затушил в пепельнице сигарету, нажал на кнопку селектора и добавил уже не гостье:

– Анжела, можно кофе, пожалуйста, в мой кабинет.

– Чёрный? – послышалось из динамика.

– Чёрный. Как обычно. Спасибо.

Потом снова обратился к Светлане:

– А сколько вам лет?

– Восемнадцать.

Парень осмотрел Свету с головы до ног, благо прозрачный стол это позволял.

– Меня Панкрат Фёдорович зовут, – сказал он. – Круглов. Заведую этим отделом. А вы?..

– Светлана, – ответила девушка. – Вессер.

– Интересная фамилия, – заметил Панкрат. – Как у Дака Вессера из «Звёздных войн». Есть родственники за границей?

– А это зачем? – вырвалось у Светланы. – Простите. Нет. Впрочем... Кто их знает. Вон, вы Дака какого-то вспомнили. Я и о нём ничего не знаю.

– Это герой из вселенной «Звёздных войн», – весело усмехнулся Панкрат. – Правда, не все в курсе его существования. Вы не смотрели «Звёздные войны»?

– Нет. А должна была? Я всё больше по детективам.

– Да нет, – смахнув с лица улыбку, сказал Панкрат. – Это я так, к слову.

– Я детдомовская, – зачем-то стала уточнять Света. – Понятия не имею, кто мои родители.

– Вот как? – Панкрат сделал удивлённый жест бровями и снова отошёл от стола к окну. – Судимостей не было?

Света нахмурилась. Странные вопросы. «Если детдомовская, то сразу вот и судимости должны быть?» – подумала она, но тут же постаралась взять себя в руки. Однако почувствовала, что как-то не очень это у неё получается.

– Нет, – ответила она. – Думаю, служба безопасности вам бы доложила об этом.

Панкрат резко обернулся, ещё раз внимательно на неё по-

смотрел. Бойкая, хоть и стесняется. И чего он сразу так накинулся на бедную девушку? Судимая, родственники за границей... Спросил бы ещё, не страдает ли нездоровым интересом к секретной документации.

Он подошёл к столу и сел наконец напротив Светланы.

– Я ещё не все документы успел посмотреть, – сказал он. – Не думаете же вы, что ваша кандидатура единственная сегодня?

Тут он, конечно, приврал, потому что Света за все три дня, что была открыта вакансия, явилась пока первой из тех, кого отобрал для личной беседы отдел кадров. И до этого момента сей факт несколько его не смущал. И только сейчас он вдруг догадался, в чём дело: зарплата в девяноста пять тысяч плюс доступ в некие секретные кабинеты, – всё это в объявлении походило на подставу, словно искали человека, на которого можно было бы свалить какую-нибудь пропажу.

– Секундочку, – сказал молодой человек, включил ноутбук, вышел на сайт вакансий и удалил объявление.

Потом, пристально посмотрев на Свету, спросил:

– А вас не смутила зарплата? Как вы считаете, девяноста пять тысяч – это много или нормально для такой должности?

Света опустила глаза, не находя, что на это ответить. И решила зачем-то сказать правду:

– Нет. Меня больше смутило название вашего отдела.

– То, что венчурные, или то, что инвестиции?

– Первое.

– Разобрались, что это означает?

– Так вы берёте меня или как? – Света уже решила, что провалила собеседование, выказав свою некомпетентность во всём на свете. И зачем только ляпнула про это «венчурное»?

Если бы только знала она, что Панкрат и сам был смущён этим никак не клеющимся разговором. В отличие от неё, он просто лучше владел собою, и понять, что происходит в его душе, было на первый взгляд нельзя. Света ему как раз-таки понравилась. И в том смысле, что выглядела совершенно неадекватной ситуации, и в том, что внешностью обладала вполне подходящей для того, чтобы не смутить посторонних, но при этом произвести задуманное впечатление на отца. Если её принарядить, сделать правильную причёску и поработать опытному визажисту с лицом, то она не уступит ни одной из его бывших подружек, на которых облизывалась половина его друзей. И было что-то ещё в этой девушке. Но что именно, Панкрат пока толком не понимал. Как-то сладко ёкнуло его сердце, когда он впервые её увидел, и ещё больше заныло, когда Света сказала, что никогда не была знакома со своими родителями. Как она вообще сохранила себя такой в той реальности, из которой к нему явилась? Он будто сам почувствовал себя беспризорным и закинутым на произвол судьбы на седьмой этаж блока «С» башни «Империя», в хаос офисов, апартаментов, фитнес-залов, магазинчиков и косметических салонов. Просто досталась ему по жребии роль ди-

ректора, с которой он едва и справлялся, ну, и плюсом ещё однокомнатная квартира на сорок третьем этаже площадью в сто квадратов. Мелочи. Если подняться на пятьдесят восьмой уровень, выйти на смотровую площадку и посмотреть на Москву, то вообще ощутишь себя песчинкой, случайно занесённой сюда ветром. Ему просто повезло, что среди хороших знакомых у него оказался Фёдор Ильич в роли отца – вот и весь расклад. С сорок третьего этажа своих апартаментов, уютных, больше похожих на спортзал, в котором тренажёры поменяли на нелепую мебель, с дурацкой лестницей на второй ярус, куда он ни разу не поднимался, всё это тоже можно было почувствовать. Но там он был чаще всего один, а на смотровой площадке всегда суетились туристы, случайные люди, загнанные на высоту двухсот тридцати метров тем же коварным ветром. Для них он был таким же случайным, и это передавалось Панкрату и обостряло чувство ненужности и иллюзии всего, что он вокруг видел.

В кабинет вошла секретарша и, элегантно провиляв задом, поставила перед Панкратом дымящуюся чашку чёрного кофе.

– Вас отец просил зайти, как только освободитесь, – тихо сказала она.

– Спасибо, – поблагодарил Панкрат и проводил взглядом так же элегантно уходившую Анжелику.

Потом снова закурил, сделал небольшой глоток из маленькой чашки и откинулся на спинку кресла.

– Ваши контакты у меня есть, – сказал он. – Я обязательно позвоню вам, Светлана.

Панкрат всё уже решил для себя. Но пауза здесь была элементом необходимым.

– Можно идти? – спросила Света.

Вид у неё был расстроенный.

– Можно, – ответил Панкрат. – Завтра же я и приму окончательное решение. Ждите звонка.

– Хорошо, – заключила Света и, стараясь не делать, подобно Анжеле, лишних движений тазом, вышла из кабинета.

Закрыв за собой дверь, она прижалась к стене и выдохнула. В голове гулял ералаш из обрывков услышанных фраз, из сигаретного дыма, всё ещё застилающего глаза, из брошенного в контейнер делового костюма, из белых кед с прошлогодней свадьбы и Бог знает из чего ещё. И она не вполне понимала, отчего так сильно переволновалась. Уж кабинетов-то всевозможных в своей жизни она повидала немало, и ещё больше провела разговоров с теми, от кого зависела её жизнь. Что-то другое смутило её больше, чем важность и одновременная глупость прозвучавших вопросов и ответов. Это было предчувствие какого-то нового поворота в её судьбе, вовсе не связанное с уборкой офисных кабинетов. Но с чего бы вдруг? И она стала гнать это предчувствие прочь, возвращая себя в реальность.

4

После собеседования Панкрат зашёл к отцу, как тот и просил. Секретарша Анжела сидела в предбаннике именно перед его кабинетом. К Панкрату она прибежала по совместительству.

Дерзкий план его имел теперь фундамент в виде Светланы, и можно было прямо говорить о том, что до этого момента существовало только в намёках.

– Паня, – с ходу начал Фёдор Ильич, – тут намечается у нас знатная вечеринка. Деловая. Приезжают американцы. По твою душу.

– В смысле? – удивился Панкрат и хотел было опять закурить.

Но отец жестом его остановил.

– Ну вот не надо тут только чадить. Когда ты наконец бросишь? Ведь обещал ещё в прошлом году.

– Брошу, па, – сказал Панкрат и спрятал в карман пачку. – Нервы сейчас ни к чёрту.

– Это у тебя-то нервы? – усмехнулся отец. – Чего это они расшатались?

– Да... – Панкрат напустил на себя таинственности. – Рано пока об этом.

– О чём об этом? Давай колись, сына. Чего ты там ещё надумал себе? Не ко времени эти твои нервы.

– Так что там про мою душу? – попытался перевести стрелки Панкрат.

– Да нет уж. Ты теперь говори. О душе после.

– Да что говорить-то? В общем, невеста моя...

– Что? – Крестьянский прищур наконец исчез с лица Фёдора Ильича. – Какая невеста? Почему мне об этом ничего не известно? Впрочем... Давай, что там такое с ней стряслось?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.